

культурный смысл, чем экономическое потребление продукта: потреблением становится любая форма культурного усвоения продукта – чтение, слушание, созерцание (смотрение), использование (например, компьютера). «Консумеризм, – пишет Мика Нава, – есть нечто значительно большее, чем экономическая деятельность: он говорит также о мечте и утешении, коммуникации и конфронтации, образе и идентичности... Консумеризм это дискурс, через который осуществляется и оспаривается дисциплинарная власть» [3].

Теоретики *cultural studies* утверждают, что способ потребления в современном обществе становится основным способом производства, т.е. что культурная ценность (стоимость) продукта создается не в момент его производства, а в акте его потребления. Такой сдвиг стал возможен благодаря расширенному толкованию производства как культурного производства, как производства не столько материальных продуктов, сколько производства ценностей и норм, идей, идеалов, образов, привычек и стилей жизни. Но это опять-таки не столько «интеллектуальная», сколько «структурная» революция, изменения происходят вначале не в головах теоретиков, а в социальной структуре: культурное производство начинает поставлять на рынок такое количество продуктов, способы их потребления настолько разнообразны и настолько отличаются от способов материального потребления, что это приводит к структурному сдвигу в социуме. Хорошо известно, к примеру, что в современном обществе огромную роль играют медиакоммуникации. Рассмотренные с точки зрения культурного производства медиакоммуникации и технологии поставляют на культурный рынок огромную массу новой продукции – от кино-, видеофильмов и телепрограмм до CD, MP плееров, компьютеров, мобильных телефонов, существенно изменяющих и расширяющих способы культурного потребления. Человек оказывается в совершенно ином культурном окружении, ином мире, чем мир XIX-го или первой

половины XX-го веков. В этом смысле культура из партикулярного сегмента общества превращается сегодня в сферу, охватывающую собой все общество, включая экономику, политику, социальные отношения.

Другим важным допущением (или результатом трансформации культуры) *cultural studies* является критика теорий массовой культуры и массового общества. Эта критика ведется с двух несколько разнящихся позиций. Представители первой считают, что теории массовой культуры, возможно, имели свой *raison d'être* в предшествующем типе общества эпохи индустриализма, массового производства и доминирования экономических форм жизни. Но к сегодняшнему дню общество радикально трансформировалось, общество перестало быть «массовым», различие между массовой и элитарной культурой (и искусством) стерлось, самые элитарные продукты культурного производства и произведения искусства стали самыми массово потребляемыми продуктами, поэтому эти теории явно устарели и требуют радикального пересмотра. Представители второй позиции считают, что теории массовой культуры с самого начала и в принципе были «дефективны», даже как отражение общества эпохи индустриализма; что они представляют крайне однобокую и искаженную картину этого общества, основанную на ценностях и идеологии модернизма – противоречивого и путаного феномена. Так или иначе, концептуальный, аксиологический и идеологический аппарат теорий массовой культуры совершенно не подходит для исследования современного «постсовременного» общества.

1. Huyssen, A. *Mapping the Post-modern*. // *New German Critique*, № 33, 1984. P. 6.

2. Durham, M.G., Kellner, D., eds. *Media and Cultural Studies. Key Works*. –Oxford, Blackwell Publishing, 2006. P. XXXIV.

3. Nava, M. *Consumerism and its Contradictions*. *Cultural Studies*, 1:2. P. 209-210.

З.Н. Исмагамбетова

ТЕМА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Одной из мало исследованных и в то же время актуальных проблем философии культуры и культурной антропологии является тема повседневности. Феномен повседневности всегда предстал как маргинальное явление, не

представляющее собой социальной, когнитивной ценности в социокультурной жизни человека – теоретической проблемой. На протяжении ряда столетий для философии актуальной предстала проблема осмысления

устойчивых признаков социокультурной жизни, которые придавали бы инвариантность социокультурным объектам. Поэтому важным методологическим кредо для философского сознания было обоснование методологических ориентиров, с помощью которых осуществлялась бы аналитика развития социальной жизни. Когнитивным эталоном философского исследовательского интереса было обеспечение анализа развивающихся систем, выявление их закономерности, каузальной детерминированности. Основными признаками объектов, проявляющихся в повседневности, объявлялись их материальная фиксированность, физическая вещественность, физико-вещественная субстратность.

Однако теоретические исследования последних лет показывают, что социокультурные объекты все больше характеризуются такими изменениями и трансформациями, которые не всегда можно рассмотреть в рамках диалектической методологии, на основе известных теоретических и методологических подходов, основанных на логике закономерных и детерминированных связей. В социальных системах на передний план выдвигаются такие изменения, которые характеризуются круговыми процессами, изменениями в повседневности, отличающихся произвольными жизненными формами, не поддающиеся известным (традиционным, стандартным, нормативным) способам организации жизни. В современных социальных науках, равно как и культурологии наблюдается интерес к повседневным формам организации жизни, отличительными признаками которых являются не их физическая реальность, не их физическая воплощение посредством деятельности в вещественные субстратные формы, а скорее их знаковая, символическая форма реализации. Это манипуляция посредством знаков и символов, созидание имитации в виртуальной реальности. Значимыми становятся феномены, которые имеют десубстратный, десубстанциализированный, девещественный признаки.

Динамика современной социокультурной жизни все больше актуализирует значимость исследования форм повседневности, траектории их изменения, спонтанность их возникновения, распада, становления, десубстанциализации, деструкции и деконструкции. В поле исследовательского интереса начинают включаться такие феномены повседневности как нестационарные, нелинейные социокультурные изменения, многослойность культурных слоев.

Необходимость исследования различных феноменов повседневности инициирует формирование нового предметного поля, которое сопровождается поиском и созданием новых

теоретических подходов, философских интерпретаций. Среди многих теоретических подходов к обоснованию феномена повседневности как предмета философской рефлексии следует отметить феноменологию Э. Гуссерля, который выдвигает новую реальность, отличающуюся от мира объекта изучения наукой – феномен жизненного мира. Основными признаками этого мира являются непосредственная очевидность, интуитивная достоверность или субъективная достоверность, неопределенность и не эксплицированность жизненного мира. Открытие Э. Гуссерлем ранее не исследованного феномена социальной и культурной жизни оказало воздействие на философов, в последствие эта тема становится объектом и предметом неклассических философских рефлексий. Тема повседневности в 20 веке становится одним из тех социокультурных феноменов, который критически исследовался в парадигме философии культуры экзистенциализма, когда мир чувствования, жизненных стремлений, желаний, фантазий, сомнений, исканий объявляется наиболее востребованной темой. В философии культуры экзистенциализма тема повседневности актуализировалась в двух аспектах: через призму драматичности существования индивида, через призму осмысления его существования в подлинном, гуманистическом измерении и в аспекте его отчужденного существования. Наиболее ангажированным аспектом для философии культуры экзистенциализма становится тема в ауре «Другого», в отношении к «Другому», «Иному», в измерении себя в призме «Другого», «для-Другого», «Ином», 15 ощущении себя «чужим», в измерении – «чужой».

Тема повседневности в философии постмодернизма становится одной из ангажированных. Обращение к ауре повседневного мышления, к ауре повседневности – является характерной темой исследовательских интересов многих теоретиков философии культуры постмодернизма. Подлинной аурой повседневности, по их мнению, является культурная интерпретация текстов и версий. При этом сама культура выступает как текст. Каждый текст может быть интерпретирован по-разному, а задача истолкования текста состоит не в раскрытии смысла, а его расширении. В таком случае, сама процедура толкования может быть бесконечной, а стремление ограничить ее только одним концептом, отвергающим все другие возможные альтернативы сама становится бессмысленной. Следовательно, нет необходимости работать в категориях классической стратегии бытия. Для описания темы повседневности нет необходимости в исследовании применений, категориаль-

ный инструментарий классической философии: сущность, основание, причина, объективность, принципы объективизма, детерминизма, диалектики и логицизма.

Новой онтологией повседневности становится не онтология монизма, а плюральная онтология. Именно она является новым исследовательским полем для философской интерпретации. Для плюральной онтологии вполне допустимы гетерогенность, плюрализм, различные ракурсы видения, неопределенность, становление, нелинейное описание событий и процессов. Сами феномены повседневности предстают как символические, утратившие свою физическую субстратность, имеющий симуляционный признак, по существующий виртуально феномен. И таком случае сам акт существования мира человека предстает как множество миров, инициированных его свободой выбора. Жизненный мир индивида превращается в мобильные симуляционные варианты, как виртуальное множество игрового действия, как проекции его актуального мира повседневности. Событийность повседневности измеряется информацией, которая переводит реальный акт существования индивида в виртуальную информационную реальность.

В новой реальности возникают, пересекаются и перекликаются бесконечное число коммуницирующих [1]. В этой реальности установление Истины – не важно, а важным представляется постоянная игра метафор. Все то, что мы принимаем за действительность, на самом деле есть точка зрения наблюдателя, объясняющего нам своё представление о ней. В таком случае восприятие человека обречено на «мультиперспективизм», на постоянно изменяющиеся различные способы и ракурсы видения действительности, за которыми очень трудно постигнуть ее сущность. Сама повседневность выступает как мультиперспективизм, как плюральная, культурная стратегия, которая постоянно изменчива, неопределенна, гетерогенна. Всякое действие предстает как симуляция, в которой происходит постоянная трансформация, постоянная смена сцен: движущаяся от сцены повышения значимости виртуальности переживания, нарциссизма до сцены понижении витальных актов. В сценарии повседневности презентирована плюральность стилей жизни, виртуализация страсти, желаний, характерно повышение игрового начала, замещающего страстность жизни, порождая постоянное их смещение, демонстрируя множественность его производных ветвлений.

В новой повседневности изменяются стандарты мышления. В этой стратегии мыслительный процесс предстает как ментальная игра

метафорами, ассоциациями, как спонтанное продвижение-блуждание по лабиринту. В этом спонтанном «блуждании» мысли по лабиринту, в котором нет выхода, важным становится не результат, а сам процесс, ритмичное пульсирование мысли, точечное фиксирование различий, возникающих в процессе поиска смысла слова. Сам процесс не может иметь некой заданной траектории направленного движения, даже в том случае, когда задает этот вектор сам субъект. В этом спонтанно совершающемся процессе, нет конца, и к задуманному прийти по заранее заданному направлению невозможно [2].

Размышляя над новой стратегией мышления, философы постмодернизма приходят к выводу, что претензии разума в этой ситуации несостоятельны. Они предлагают новые правила «хитрой» тактики. Суть этой двойной игры заключается в том, чтобы играть на обе стороны. С одной стороны, делать вид, что играешь в правила Законодательного разума, с другой стороны, для него необходимо подготовить такие ситуации для разума, чтобы, попав в ловушку, он не смог выйти [2, 3]. «Хитрость» этой игры состоит в стратагеме и стратегии. Стратагему необходимо конструировать, необходимо создавать. Стратагема должна строиться таким образом, чтобы разум оказался в ситуации дилеммы. Стратегия должна быть предпринята так, чтобы говорение продолжалась до тех пор и осуществлялась тогда, когда сам дискурс уже завершился. Стратагема в этой ситуации должна управляться молчаливым умыслом, а в своем молчании стратег должен определить свои позиции в отношении того, что он не может и чего не должен говорить. Это произвольное ограничение демонстрируется на разговоре с китайцем, когда необходимо притвориться, что умеешь говорить по-китайски. Для этого необходимо лишь изобразить свое умение говорить, произнеся фразу по-китайски [2]. Различие между ложью и истиной можно провести только на уровне ментального ограничения, последняя должна пройти еще между говорящим субъектом и его словом. По мнению Ж. Деррида, проводить диспут с господствующим разумом можно только на его языке, но при этом необходимо притворяться. Целью такого притворства является убийство тиранического разума. Как считает философ, если заговорщик притворяется, что он притворяется, то замысел можно считать удавшимся. Замысел при этом должен держаться в голове, о котором никто не должен в принципе знать. Замысел должен быть невыговоренным.

В новой повседневности перестает быть востребованным традиционный способ мышления.

Если традиционный способ западноевропейского мышления есть мышлениями противоположностями, оппозициями, что в принципе характерно для стратегии монизма, то в современной повседневности нет востребованности в ней. Новая стратегия повседневности актуализирует релятивность, симуляционную направленность жизненных устремлений. В ней нет необходимости в воспроизводстве дискурсов прошлого, мистификации таких фантомов сознания: как власть, университет, Истина, ценность. В отличие от классической трактовки бытия, в которой повседневность выступала как гарант устойчивости в существовании человека, повседневность в измерении культуры постмодерна освобождает человека от иллюзий абсолютных ценностей. Она обращает его внимание и интерес на обыденность текучего, изменчивого, в котором однозначно, рационально трудно определить результат в ситуации, когда процессы и события могут происходить неопределенно. Само бытие становится вероятностно-неопределенным, плюральным, многомерным, многовекторным.

Рассматривая различные варианты повседневности, философия культуры постмодернизма показывает на многослойность культурных объектов, на различные сценарии их функционирования в языковой стратегии, которые вводят человека в различные типы реальности и плюральные варианты взаимодействия с ними.

Философия культуры постмодернизма описывает синхронное сосуществование культурных плюральностей в жизненном пространстве человека. Постмодернистский концепт предлагает модель культурной плюральности в условиях децентрации, десубстратности и формирования зон социокультурной неопределенности. Философия культуры постмодернизма моделирует ситуацию социокультурной неэффективности определенных норм, правил поведения, формирование культурных девиаций, зон распада привычных сценариев жизни человека. Это позволяет проанализировать процесс деконструкции социальной системы, определить те ценности, которые сохраняются в когнитивном опыте людей. Оно позволяет так же выявить те социокультурные механизмы, которые скрыты в «следах» предыдущих моделей поведения и коммуникации, отторгнутых на маргиналию культурного пространства. Если в классической парадигме повседневность ориентировала человека на нормативность, социальность, то в новой парадигме повседневность презентует культурную девиацию, социальную негативность. В ней приветствуется ценностный релятивизм, которая интерпретируется как

новая версия идентичности. Она инициирует человека интегрироваться в мир культурной плюральности, формирует установку на стратегию культурной чувствительности к «Другому», на принятие и признание синхронного сосуществования многоуровневой реальности.

Новая модель повседневности констатирует плюральность жизненных миров человека, фокусирует внимание на восприятие нелинейного времени, отсутствие заданности, вектора в динамике культуры, неоднородность культурного пространства. Новая стратегия повседневности фундирует возможность существования человека в условиях процесса, детерриториализации, в условиях распада стабильных условий, в спорадически меняющейся культурной реальности. Таким образом, постмодернистская культура инициирует новый проект, в котором отсутствует единый порядок. При этом значимым становится мир индивидуальности, а каждый мир повседневности предстает как культурная множественность. Повседневность выступает как зона неопределенности, трансформации и зона культурной плюральности.

Становление новой повседневности актуализирует теоретическую потребность в смене методологических подходов. Одной из актуальных методологий в исследовании культурной плюральности феномена повседневности становится методологический релятивизм, предлагаемый постмодернистской философией культуры. Именно такая исследовательская ориентация позволяет не только показать ее феноменальную особенность, но и ее переходность, неопределенность, постоянную текучесть, изменчивость, ее культурную плюральность.

1. Делез Ж. *Различие и повторение*. - СПб.: Питер, 1998

2. Делрида Ж. *О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только* / Пер. с фр. Г.Л. Михалкович. - Мн.: Современный литератор, 1999

3. Делрида Ж. *Шпоры: стили Ницше* / Вступление и пер. с фр. А.В. Гараджи // *Философские науки*. 1991. - № 2

В данной статье формируется новая тема философской рефлексии – тема повседневности. Автор показывает формирование новой предметной области – исследование повседневности. Автор дает характеристику основных подходов, в которых ставится попытка осмыслить феномен повседневности. В статье раскрываются позиции наиболее востребованных философских подходов к данной теме: философия культуры экзистенциализма и философия культуры постмодернизма. В статье показывается, что наиболее адекватной методологией исследования повседневности является философия культуры постмодернизма.